

Игорь Смирнов

Мания преследования

Игорь Смирнов

Мания преследования

«Издательские решения»

Смирнов И.

Мания преследования / И. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902004-8

Сборник рассказов разных лет в различных жанрах — от исповедальной и автобиографической прозы до альтернативной истории и weird tale.

ISBN 978-5-44-902004-8

© Смирнов И.
© Издательские решения

Содержание

Как я познакомился со своей женой	6
Настойчивость памяти	12
Возвращение...	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мания преследования

Игорь Смирнов

© Игорь Смирнов, 2018

ISBN 978-5-4490-2004-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я познакомился со своей женой

Рассказ

На то собрание я попал не то что бы случайно – не по своей воле. Быть может, даже против неё. Двумя днями раньше, то есть в пятницу, начальник отдела вызвал меня к себе: «Нужно помочь в одном мероприятии». Тон у него был такой, будто он спрашивал разрешения или по крайней мере советовался со мной. Начальник у нас – человек деликатный. Из тех про кого говорят: мягко стелет... В голове у меня тут же составилась перевод его сообщения: «Пришла пора возвращать долги». Я не возражал, вообще молчал, только придал лицу выражение ещё более сосредоточенного внимания. Помнится, даже был рад, что рассчитаться удастся так скоро. «Не бывает худа без добра». Нет, скорее наоборот, добра без худа. Что я должен сделать? Наверняка, что-нибудь такое перед чем любой другой сотрудник взовьётся на дыбы.

Утром в воскресенье отправишься в Парниковый, продолжал шеф.

Парниковый – так район называется. Не знаю, в честь чего. Может быть, там засилье парников... Не это главное. Это очень отдалённый район. Даже не окраина, даже не пригород, быть может. Я ещё ни разу там не бывал – за свои двадцать пять лет жизни.

Не беспокойся, начальник заусмехался, туда пойдёт автобус, в восемь утра. Будешь ждать его на площади Нежной Революции. Приедешь... Нужно будет всего лишь настроить им микрфон, ввести нужную программу в компьютер голосования и выступлений...

И всего-то? Наверно, я удивлённо приподнял брови. Тащиться ради таких пустяков в эту даль. Неужели не нашлось специалиста поближе?

Начальник мои мысли будто читал. Он многозначительно на меня посмотрел, постучав наполовину истлевшей сигаретой о край пепельницы, – и не сказал больше ни слова.

Автобус втащился на площадь за минуту до назначенного часа. Чересчур громко, пожалуй, урчал мотор, – не только в близстоящих домах, но и во всём городе жители ещё спали, снимая усталость и напряжение впрок перед очередной рабочей неделей. Мне сделалось неловко за этот беспардонный шум, – как будто я лично его производил. Мне внушил сомнение самый вид прибывшей машины: устаревшая модель с выпирающим вперёд двигателем, маленьким салоном и единственной дверью для пассажиров, открывающейся посредством простого рычага. Ну да ещё дверь сзади – и можно использовать колымагу как катафалк. Тот ли? – заволновался я. Уже четверть часа я нервно прохаживался по тротуару, пытаюсь проверить, не напутал ли чего, правильно ли понял слова начальника, надёжно ли запомнил их? Я склонен совершать от усердия малозначачие на первый взгляд, а потом оказывающиеся непростительными и даже непоправимыми, ошибки.

Водитель, затормозив, открыл дверь, действительно, рычагом.

«В Парниковый?» – недоверчиво спросил я, не решаясь сразу подчиниться этому молчаливому приглашению. Шофёр кивнул. Я с преувеличенной, должно быть, прытью вскочил по ступенькам в автобус и упал на ближайшее сиденье, перед тем быстро окинув взглядом салон. В нём сидело ещё трое мужчин, примерно моего возраста или чуть старше, мне не знакомых. Я оказался сидящим к ним спиной и тут же пожалел о таком своём невежестве. Но казалось ещё более глупым исправлять ошибку: встать, здороваться с ними, переходить на другое место. Буду делать вид, что ничего не произошло, решил я, что так и надо. В конце концов, случившегося не отменишь. Да и ни к чему разминиваться на эти телячьи нежности.

Я уставился в окно, потому что ничего другого мне и не оставалось. Стандартные блочные застройки скоро кончились. Домишки столь разнообразных очертаний и цветов так беспорядочно составляли одноэтажные улочки, которые потянулись одна за другой, что запомнить дорогу было совершенно невозможно. Через полчаса этот однообразно пёстрый ландшафт

начал несколько меня раздражать, – из-за того, вероятно, что я не мог сориентироваться, сколько ещё осталось ехать. Спросить у своих попутчиков или тем более у водителя я стеснялся. Я даже не знал, чем эти самые попутчики были заняты. Может, играли в карты? А может, спали? Я был и сам не прочь вздремнуть. Но, во-первых, мягкость спинки сиденья доходила мне только до лопаток, а выше торчала уходящая концами в неё дугообразная железная труба; а во-вторых, спать здесь сейчас мне вообще представлялось неуместным. Что подумают обо мне – они? Оглянуться на них я боялся тоже.

Мучения мои растянулись на полтора часа, – я говорю об этом с полной уверенностью, поскольку справлялся относительно хода времени чуть ли не ежеминутно.

Вдруг автобус стал. Путь преграждало жёлтое, видимо, недавно отштукатуренное и покрашенное здание этажа этак в три-четыре высотой, что было не просто определить, так как это был не квартирный дом, а... Дом культуры, догадался я. Строение весьма неопределённого архитектурного стиля, в них я, впрочем, и не силён. Построен лет тридцать-сорок назад, решил я. Ну да, дом культуры.

Попутчики мои прошли мимо меня и через дверь, которую водитель, оказывается, уже открыл, вышли наружу. «Всё, приехали», – сообщил шофёр, как-то скептически покосившись на меня.

Я поспешно встал. Только тут я узнал, что ноги совершенно затекли, – они почти не слушались. Пока я выбирался из автобуса, опередившая меня тройца куда-то пропала, очевидно, уже прошла в дом. Я тоже заковылял к открытой, наполовину распахнутой двери между двух ложных колонн.

Миновав тесный и полутёмный тамбур, я попал в большой зал, размеры которого заставляли предполагать, что он-то и занимает львиную долю всего объёма здания, почти не оставляя пространства на закулисные и прочие помещения. Дальняя от меня половина зала была заставлена рядами деревянных кресел с откидными сиденьями, какие бывают в кинотеатрах, клубах и проч. Там сидело всего пять-шесть человек. На другой же, ближней половине зала, свободной от всякой мебели, на голом довольно вытертом паркете толкалась уже добрая полусотня посетителей, сгруппировавшихся в большие и малые кучки, где велись какие-то разговоры, вместе составлявшие нестройный гул. Попутчиков своих я здесь просто уже не смог бы найти, даже если бы попытался. А впрочем, мне самому было не понятно, зачем мне это нужно? Наверно, для того, чтобы скинуть с себя этот жалкий растерянный вид неприкаянного одиночки, переминающегося у входа.

«Всё-таки произошла какая-то путаница», – подумал я.

Вдруг от одной из компаний отделился мужчина, одетый весьма официально, и направился ко мне, – я сразу об этом догадался.

«Вы от ...?» – он назвал имя моего начальника. Пока он шагал ко мне, я успел приглядеться к нему получше: лет сорока, с впалыми щеками аскета и острым взглядом. Никогда прежде я его не встречал.

«Да-да», – я сопроводил ответ энергичным кивком и даже заулыбался.

«Очень хорошо, – пробормотал мой визави, а сам нахмурился. – Вернее, очень жаль, – тут же поправил он себя, чем, кстати, не очень меня и удивил: я всегда наготове попасть в очередной просак. – Видите ли, мы уже нашли человека, который настраивает нашу аппаратуру».

Он не сделал никаких указующих жестов, даже не повернулся, – я сам посмотрел в дальний конец зала: чуть левее середины сцены и стоявшего там длинного покрытого серой скатертью стола (а позади него, на заднике сцены, на порядочной высоте висел большой портрет человека с тонкой продолговатой полоской подбритых усов на слегка наклонённом лице вытянутой формы, – он показался мне похожим на Джорджа Оруэлла, каким я видел того на одном фото), так вот, левее этого стола и ниже (на добрых полметра ниже или насколько там сцена возвышалась над полом), к сцене впритык поставлен был ещё один стол, более короткий, и над

тремя объёмистыми терминалами, водружёнными на него, выставив спину горбом, как моя мама и бабушка говаривали, согнулся «в три погибели» какой-то субъект. Мне даже стало неловко за него. Он мог бы уже и не надирать себя так. Я не представлял для него никакой опасности. Хотя, кто его знает, может, его поза была вызвана искривлением позвоночника. Я сам с детства сутулюсь и горблюсь.

«Вот как!.. – вырвалось у меня; я смотрел снова в лицо стоявшему напротив несимпатичному мне аскету и, боюсь, обиду свою не сумел скрыть. – Значит, я могу быть свободен...»

«Да... То есть, я думаю, что вы всё равно не сможете вернуться домой скорее, чем обратным рейсом того же автобуса».

«И мне придётся ждать окончания ...?»

«Получается, так», – и мина при этом была у него столь страдальческой, что я просто не мог излить своё негодование на него.

«Пойдёмте, я проведу вас...» – он повёл меня прочь от выхода, к рядам и, остановившись возле одного из них, указал мне на крайнее сиденье. Я сел и даже поблагодарил его, хотя услуга показалась мне совершенно нелепой и даже глупой: сюда-то я сумел бы добраться и без его помощи!

Впрочем, несколько остынув, я счёл, что некоторой целесообразности она всё же не лишена. «Так он может потом быстро меня найти, если такая надобность возникнет». Должен заметить, что места никак обозначены не были.

Довольно скоро собрание началось. Я не могу сообщить, чему оно было посвящено, поскольку заранее был предупреждён своим шефом и дал ему обещание не разглашать тайну, а кроме того находился в несколько рассеянном состоянии и совсем не вникал в то, о чём говорилось со сцены. Посожалевав, что не захватил с собой никакой книги, а не взял я её потому, что опасался её здесь забыть, – я ужасно боюсь этого, хотя ни разу ничего подобного со мной не случилось: объяснением, впрочем, может быть то, что я и не беру никуда книг с собой, – я принялся глядеть на людей, заполнивших (почти без изъятия, что меня удивило) все места в зале. Не рассчитывая встретить знакомых, я был просто поражён, увидев сидевшую впереди меня рядов на пять и мест на пятнадцать правее мою одноклассницу М. М. заставила меня пережить первую в моей жизни любовь, о чём я до сих пор вспоминаю с благоговейным трепетом. Я не видел М. уже лет пять. За это время она ничуть не изменилась, – я имею в виду то, что она не потолстела, не похудела и не подурнела. Но повзрослела, несомненно, – с восхищением отметил я её вполне зрелую красоту. Она тоже заметила меня, и мы обменялись обрадованными, чуть-чуть удивлёнными улыбками. «Уже замужем, наверно, – решил я. – Нужно подойти к ней в перерыве и расспросить, как она живёт».

Но в первую же секунду объявленного председателем перерыва все повскакивали с мест и выбежали на другую половину зала, устроив там невероятную толчею. Я тут же потерял М. из виду, – следовательно, она тоже была уже в окутанной сизым табачным дымом толпе. Тогда и я поплёлся туда, отчасти из надежды отыскать всё-таки М., отчасти – сам не знаю зачем, наверно, от того, что нечего было делать.

М. однако я не нашёл. Зато услышал вдруг обрывок чьего-то разговора: «Автобус... сейчас отъезжает...» Я не решился тут же расспросить говорившего, да и пока крутил головой, он тоже исчез куда-то, и потому я кинулся на поиски худого мужчины, взявшего меня здесь под свою опеку. «А как же иначе? Он встретил меня и указал мне место, – рассуждал я. – Значит, он и отвечает за моё пребывание здесь». Мне трудно ругаться за свои подслеповатые глаза, но кажется, во время заседания я видел его в президиуме.

Счастье, похоже, улыбалось мне, и я тут же наткнулся на своего чичероне.

«Правда ли, что автобус отправляется сейчас?»

«Да... он уже... уже уехал. Я думал, что вы... тоже...»

«Как, как! – вскричал я. – Это вы должны были посадить меня туда...»

«Почему вы так волнуетесь?» – он нервно покусывал нижнюю губу.

«Там осталась моя куртка!» – выпалил я раздосадованно.

«Да? Извините... Очень сожалею... Но вы не волнуйтесь. По окончании собрания вас отправят другим автобусом. Ваша куртка не пропадёт...»

«Когда это ваше собрание закончится?» – прошипел я, уже совершенно не заботясь о впечатлении, производимом на него.

«Часа... – он опустил взгляд на своё левое схваченное блестящей „вотч“ запястье. – Часа через полтора».

Я вернулся на своё место – а может быть, и не на своё, поскольку они ничем не отличались, – едва не плача. Вторую часть заседания я запомнил ещё хуже первой.

Не знаю, полтора ли прошло часа, но едва только собрание закрыли, и я подумал – не так, впрочем, сердито, как, пожалуй, должен был, – подумал: «Ну где этот распорядитель? Ему бы президентом быть, он бы вывел нас к процветанию...» – как он тут как тут и объявился.

Схватил меня под руку, грубовато даже, ни слова не говоря куда-то потащил, одному ему ведомым способом ориентируясь в расплывающейся, распадающейся на кучки и отдельных субъектов толпе, которая ещё полминуты назад была собранием.

«Вербника, вручаю вам (так и сказал: вручаю, как про вещь) этого молодого человека», – отрывисто бросил он, подведя меня к какой-то девушке, одетой в тёмно-коричневый костюм, состоявший из юбки до колен и жакета. У девушки было круглое, довольно приятное лицо с остреньким носиком, круглая же, не очень длинная причёска. Роста она была невысокого, как говорят, ниже среднего, макушка её головы была мне по грудь; своими шустренькими карими глазами она вынуждена была как бы заглядывать в мои. Симпатичная, но не в моём вкусе, отметил я, мне нравятся высокие, худые, с локонами до плеч. А впрочем, что мне за дело! Лишь бы она доставила меня куда надо. И уж такая непременно доставит – можно не сомневаться; её я тоже видел сидящей в президиуме.

«Ну-с, ведите же меня», – возгласил я с неожиданной, меня самого удивившей развязностью. Веронике пришлось уже не только поднять взгляд, но и слегка задрать голову – чтобы получше меня рассмотреть. Видимо, её я тоже удивил. Но, не сказав ничего, она устремилась к выходу, а я – за ней, и теперь нам уже не надо было проталкиваться сквозь толпу: толпа успела схлынуть.

На улице стоял автобус – точно такой же, как тот, что привёз меня сюда. Мелькнуло даже опасение насчёт происшедшей опять какой-нибудь очередной путаницы, и я спросил:

«Это другой автобус?»

«Конечно, – отвечала Вероника, покосившись на меня с удивлением ещё большим, чем прежде. – Тот ухал на базу. Ваше пальто теперь там». Я важно, почти покровительственно кивнул, почему-то не поправив её.

В салоне уже кто-то сидел; когда мы тоже стали забираться по ступенькам, я сосчитал: пять человек, трое мужчин и две женщины. Поднявшись, я увидел, что одно из женщин – это М. Пульс мой сразу чуточку участился. М. сидела на заднем сиденье, слева. Вероника тоже прошла в самый конец салона и устроилась на заднем же сидении – только справа. Я уселся рядом с ней – на правах подопечного – между М. и Вероникой, к последней всё же ближе. С М. мы снова обменялись улыбками, уже не только обрадованными, но и несколько растерянными. Я вдруг понял, что не знаю, о чём с ней говорить, – в присутствии стольких посторонних людей. А молчать было и вовсе глупо, поскольку М. так много значила для меня, а я уже пять лет её не видел.

«Эх вы, – начал я, обращаясь к Веронике, но так громко, что меня не слышал, наверно, только один шофёр. – Подвели меня! В цивилизованных странах вы бы заплатили столько за моральный ущерб, что я мог бы до смерти не работать... Вы...»

Я ещё долго разливался о порядках, которые существуют в цивилизованных странах, пока критикуемая сторона, то есть Вероника, не окоротила меня, с чисто женской, спокойной назидательностью заметив: «Вот и жили бы себе в этих странах». И, замолчав, я почувствовал какую-то непонятную радость, почти счастье, оттого, что Вероника так сказала. Тут автобус тронулся.

Ехали, может быть, и тем же маршрутом, но поскольку он был мне не знаком и я не запомнил его, то мне казался новым. В одном месте водитель остановил машину, и женщины вышли. То есть одна совершенно незнакомая мне женщина и – М. И меня даже охватил страх – оттого, что я расстался с ней вот так, не попрощавшись. Автобус пополз, выбирая влево от обочины, я закрутил головой, пытаясь последний раз взглянуть на М., на Марину... Она уже куда-то пропала. И потом, в заднем окне было такое грязное стекло! Я больше никогда её не увижу! – подумал я в отчаянии.

Как нарочно шофёр погнал машину так, что за окнами замелькало что-то бесформенное. Но скоро – мне показалось: буквально через несколько секунд – будто испугавшись сумасшедшей скорости, он начал тормозить, впрочем, настолько плавно, что это сказывалось только на всё более возрастающей отчётливости пересекаемого ландшафта. И вдруг машина остановилась вовсе. Совершенно неожиданно, потому что без малейшего толчка. Да, настоящий профессионал, этот водила, отметил я с каким-то даже восхищением.

Между тем «профессионал» выглянул из-за прикрывавшего его спину стекла (на стекло, конечно, прилеплен был плакат, конечно же, со Шварценеггером, при полной штурмовой амунниции и скроившим предельно зверскую рожу) и, перекрикивая шум мотора, сварливо возвестил: «Всё, выходите. Еду в гараж».

«Как это?..» – пробормотал я, уставившись на Веронику.

«Ладно, пошли», – бросила она. Я повиновался. Мы все вышли – Вероника, я и трое незнакомых мне парней. Автобус, взяв с места в карьер, пропал из виду.

«Где это мы?» – спросил я, слегка поёживаясь. Свитер у меня был толстый, но в салоне я привык к теплу.

«В Пыльном», – буднично сообщила Вероника.

Где?! – чуть было не заорал я. Ведь это же самый бандитский район. Женщин здесь, говорят, среди бела дня насилуют!..

Но промолчал – другие-то были спокойны.

«Ты будешь идти справа от неё, – сказал вдруг один из парней. – Серж слева, а я – позади».

«Зачем это?» – не удержался и спросил я. Мне не ответили. Ладно, пусть буду справа.

Мы двинулись немощёной, к счастью, не очень грязной улочкой, по обе стороны которой тянулись высоченные дощатые сплошные серые заборы, чуть не до крыш закрывавшие прятавшиеся за ними дома. Кругом не было ни души.

Вдруг откуда ни возьмись, будто прямо из забора, вынырнула женщина и странно дёргающейся походкой, быстро озираясь по сторонам, засемила в том же направлении, в каком шли и мы. До неё было метров пятьдесят.

Внезапно она подпрыгнула, рванулась вперёд, снова подпрыгнула, будто перемахивая через низенькое что-то, и перешла почти на бег.

«Что с ней?» – прошептал я.

«Рогатка, – пробормотал взявший на себя командование парень. – Рикошетная стрельба. Думаю, у нас до такого не дойдёт, – прибавил он уверенно. – А в крайнем случае прикроем Нику телами».

Осторожно, чтоб не сбиться с темпа, я покосился влево и как бы впервые увидел свою спутницу. Какая у неё ладная фигурка... Какое милое лицо. И она совсем спокойна. Она не боится ничего.

Это потому что я оберегаю её, подумал я. Эти двое – не в счёт.

Грудь мою распирало от гордости и счастья. Я даже перестал думать про свою куртку. Или шляпу? Вот это, честно говоря, я уже забыл.

1992 г.

Настойчивость памяти

Рассказ

Этот рассказ обязан своим появлением на свет одной нечаянной встрече – она произошла где-то на стыке января-февраля 1989 года в городском психоневрологическом диспансере. Это такое двухэтажное довольно невзрачное серое каменное зданьице – в начале века, должно быть, чей-нибудь особнячок. Тут кругом всё такие же дома, двухэтажные, начала века. Так называемая историческая часть города. Есть, конечно, разные – оштукатуренные, деревянные, кирпичные, обшитые вагонкой, – да разве в этом дело. У всех у них одна судьба. Это же архитектурная резервация.

А ещё это резервация моей памяти.

Ещё в дошкольные времена бабушка брала меня с собой к племяннице, проживавшей где-то в этих краях. Погружала мою руку в свою – у неё была толстокожая мясистая, мощная ладонь, а у меня – мелкая ручонка, – и вела. И так часто это происходило... А скорее всего, только кажется, что часто... Иногда кажется, – не стану утверждать, что всегда, нет, лишь иногда, – иногда кажется, что всё моё детство было сплошным походом к бабушкиной племяннице.

Ранние воспоминания наиболее живучи. Это значит, сгинут все позднейшие наслоения памяти, а эти домики останутся со мной. Может быть, один какой-нибудь собирательно-усреднённый домик, один за всех, а я буду его вспоминать. Может быть.

Только в тот день, о котором я буду говорить, я пришёл сюда за другим.

Я – офицер запаса.

Тогда мне надо было пройти медкомиссию. Трижды или четырежды уже бывал я на этих медкомиссиях и всё в главном, городском военкомате, а нынешняя принимала почему-то на совсем другом краю города, тоже правда, в военкомате, но районном, и только психиатр работал совершенно отдельно от неё. В диспансере, и так получалось, что по соседству с главным комиссариатом.

Сначала-то надо было подойти в горвоенкомат, в кабинет, получить направление.

Это оказалось на втором, верхнем этаже. И не кабинет, а кабинетик – метра два на два и еще разделён пополам коричневой деревянной стойкой, как перегородкой. Двое таких же офицеров – вроде меня – подошли чуть раньше. Местный начальник, капитан, такой заматеревший на службе сангвиник, небрежно облокотившись на стойку позади себя, о чём-то с ними толковал, а потом, через какую-то секунду, вручил всем нам троим по зелёной бумаге, достал их откуда-то из-за стойки, вполоборота перегнувшись через неё. Это были медицинские карты для прохождения комиссии, пока ещё голенькие. А вот адрес диспансера он не сказал, а так – сделал движение рукой, мол, тут, поблизости. Поблизости так поблизости. Я значения не придал. А по правде, я думал, что ребята всё знают, и как-то сразу целиком и полностью положился на них.

Вышли из военкомата, двинули по проспекту. Не очень-то разбежишься: была оттепель, потом замёрзло, гололёд, волдыри ледяные под ногами. Прохожих мало. То ли сумерки ещё не рассеялись, то ли начинался сам по себе такой серенький день. Товарищи мои оказались и впрямь поопытнее меня. То и дело в разговоре у них мелькало словечко «сборы», «сборы». Но про диспансер они говорили как-то робковато. Ковыляли, приглядывались к каждому дому: вдруг это и есть диспансер? (а это всё исторические, двухэтажные, компактные были дома) нет, – брели дальше. Странная какая-то механика, только я не очень в неё вникал, семенил, стараясь не отстать, как на экскурсии какой-нибудь турист. Чувство было такое: самое страшное уже позади, уж больно всё это несерьёзно, а значит, так же и кончится.

Совсем не то я ощущал вчера, когда почту из ящика принёс и нашёл повестку.

Тогда, в 1989 году, я много чего выписывал. В тот вечер как раз пришёл толстый журнал, естественно, московский, всем лучшим у нас распоряжается Москва. Первый номер – как я к нему вожделем! Петька, сын-шестилетка, наверно, меньшего ждал от новогоднего пайка.

Начал я листать тот журнал – ожидал чего-нибудь из наследия, из рассекреченных шедевров. Фигушки. Редактор тиснул свой новый роман – начало, да на полкнижки, так-то вот. Ну, я быстро себя успокоил: мол, всё равно лучшее – это «Война и мир». И долго ещё никто её не переплюнет, можно не переживать.

Я тогда всерьёз так считал.

Я даже подбирался перечитать эпопею. Книга всех времён и народов у меня есть, – но слишком долго подбирался, руки не дошли.

А ещё кроме журнала были газеты – две, кажется, местная и центральная. Я взялся за них, тут повестка и выпала.

Всего-то несколько слов, но каких! меня вызывали на медкомиссию.

Комиссия! Ясно, что не о здоровье моём они пекутся. А упечь хотят – куда-нибудь на сборы. Месяца на два, на три.

А у меня как раз столько дел! Петька канючил, «танчик» ему немецкий сделай из двух деревянных брусков, чтоб заводской «тридцатьчетвёрке» было с кем на равных биться. Ну, это, конечно, ерунда... Но я собирался быстрому чтению обучиться. Только не решил ещё – по книжке или же на курсах. Вот бы записался, – улетели бы денюжки! А штука-то насущная. Память, внимание, воображение, говорят, развивает. И потом, столько книг надо одолеть... Да и... мало ли чего ещё. Почему я должен всё это бросать? И какие глаза будут у меня потом, через два или сколько там месяцев.

Я это даже не подумал, я всё это просто ощутил.

А думал примерно вот что:

Иезуиты! Уже завтра требуют «прибыть» да не просто так, а с целым ворохом характеристик! Ну, на меня-то, положим, будет всего одна, производственная, из комсомола выбыл, в партию не спешу... да где я и эту-то возьму? Осталась ведь только ночь и всё!

Значит, не получат ничего, и сами виноваты.

А наутро я чуть не раньше обычного встал и двинул привычным путём: трамвай, проходная, цех, – в военкомат надо было только к девяти.

По утрам мы всегда гоняем чай, прямо за своими рабочими столами (а на столах – пульта для проверки электронных плат, всякие приборы...). В обход расписанья и всем мировым потрясениям вопреки. Тогда это были большей частью газетные потрясения, в 89-м году. Поток их уже шёл на спад, но мы всё ещё их обсуждали. Бригада, или группа, как мы ещё называемся, тогда совсем небольшая была – человек восемь. В то утро мы тоже гоняли чай, и главным потрясением оказалось, конечно, лично моё. Я как будто тоже за что-то пострадал – ну почти за правду – и слегка раздувался от гордости. Шеф безотлагательно набросал необходимый манускрипт, я кинулся с ним по дальнейшим инстанциям – заверять подписями, печатью, но в приёмной начальника цеха и застопорился. Оставил там характеристику до завтра – дозревать. Точно, не получилось, как и предполагал. Значит, и ничего не выйдет... – вот когда это ощущение началось. А уж потом был и командирский взмах рукой, и анабасис через асфальтовые торосы. Ну, чем не приключение. Я начал прикидывать, удастся ли выгадать «окошко», во сколько часов... в два часа опять надо было в военкомат, с уже заполненной карточкой, а там дадут отзыв...

Тут как раз воеводы мои обнаружили диспансер – засекли вывеску.

Сбоку серый деревянный тамбур, вроде собачей будки, или скорей, сортира – косой скат кровли, пришлёпка какая-то на теле особнячка. Прошли внутрь. Вестибюль не вестибюль, коридор не коридор, так, комнатка, прямо – лестница, деревянная и, наверно, скрипучая, а по правую руку – регистратура: окошко в стене. Приблизились: за окошком две жен-

пины в халатах. И всё население. Вокруг такой покой, как будто объявлен мёртвый час. Даже голоса глохнут в этой тишине. Как-то неловко греметь каблуками. Подумалось: сейчас предложат прилечь. Укромных мест здесь, наверно, хватает...

Одного за другим нас отправили наверх, в кабинет. Из скромности я, конечно, шёл последним. И когда поднялся, компаньоны мои, дожидаясь своей очереди, уже сидели на диване – служебный такой диван, обтянут чем-то багровым, искусственным – и негромко о чём-то переговаривались. Я навязываться не стал. Не знаю, как это помещение называлось – холлом или залом ожидания, что ли, не важно. Но пространство здесь кое-какое имелось. Другие диваны, такие же, были. По этой же стороне, ближе к перпендикулярной, торцевой стене здания и окну в ней, кстати, единственному окну здесь, стоял ещё один, а в промежутке – зелёный деревянный ящик с каким-то развесистым, но корявым, замученным деревцем. Туда я и направился – на диване сидела женщина в трикотажном костюме: юбка и кофта цвета кофе, сильно разбавленного молоком, из тех, что растягиваются на теле, а собственной формы не имеют. Она, женщина эта, хоть и молодая, но уже располневшая была. И держалась как-то странно. Впрочем, я это уже чуть ближе рассмотрел. Подалась корпусом вперёд, да так и застыла. Круглое и вроде бы миловидное лицо, только сумрачное какое-то, будто с открытыми глазами спит. Поравнявшись, я глянул ещё раз, может быть, попристальнее. Точно удостовериться хотел: и впрямь она так сидит, неподвижно и тяжело? Чего-то в лице этом не хватало... Или было лишнее... Эта округлость...

И вдруг я понял. Я увидел.

Женщина была похожа на Н.

Н., девочка из моего класса. Двенадцать лет назад я был влюблён в неё.

Она перешла к нам после восьмого. Она училась вместе со мной всего год.

В тот год я бредил рок-музыкой. Я мечтал стать ударником в школьном ансамбле. Я слушал что придётся – всё подряд: Маккартни, «Кисс», Энди Вильямса, оркестр Джеймса Ласти, «Бэй-сиди роллерз», «Джетро Талл». Дрянного звука передатки «Голоса Америки». И ещё была такая программа, уже наша: «Поющие меридианы». Песенка из альбома «Крылья на скорости звука» «Пусть войдут». И ещё я бредил Н. А она была настоящей музыкантшей – в отличие от меня. Она училась в музыкальной школе и хотела поступать в музучилище, уже во второй раз, потому что этим летом не прошла.

Я как-то проведал об этом, о её намерениях. О, долго бы ещё я любил её только про себя! Хотя и тут мало что изменилось. Я был слишком робок, она – чересчур серьёзна. Такой, редкий тип девушки, чрезвычайно самоуглублённой, которая не всегда понимает и замечает, что там вокруг неё, за своей серьёзностью как за крепчайшей бронёй. И всё-таки я начал действовать, я стал делать ходы.

В мае-июне в наш город приехал певческо-танцевальный ансамбль – из Испании! И я с билетами нагрянул прямо к Н. домой.

Не знаю, что тут подумали её родители (у дочери вдруг объявился какой-то «друг»!). Я даже не знаю, что подумала она сама. Концерт ей понравился и, может быть, даже очень и... не больше.

А у меня в тот вечер – как у плохого солдата, что ли, – разболелся живот. Так что во время концерта я больше прислушивался к другой музыке.

И всё равно, вскоре я поспешил повторить заход – ансамбль теперь был уже вокально-инструментальный и вполне отечественный, с довольно громким именем об ту пору. Не прошло. У Н. были билеты на другое время. Она не хотела смотреть один концерт дважды.

Вот какая девушка она была.

А лицо у неё было примерно того типа, что и у Брижит Бардо (правда, я распознал это уже спустя годы) – скуластенькое, низколобое, с остренькой кнопкой носа. Только Н. была положительной насквозь. Брови слегка насуплены, губы поджаты – такая сосредоточенная.

Я навевался к ней незванный ещё раза два. А ещё раньше, ещё до испанского концерта, практиковал дальние перехваты автобуса, на котором Н. возвращалась с занятий музыки домой. Однажды случайно встретил, а потом начал специально искать. Она пользовалась только одним маршрутом. И всегда примерно в одно время. Всё равно, конечно, с автобуса на автобус пересаживался, как сразу угадаешь, но – вот потеха! – получилось раза два. Прикидывался невинным попутчиком... Да, на автобусные встречи мне везло...

Мне в главном не везло. Первого сентября Н. в школу не пришла. Говорили же мне, да я не верил, думал, что, может быть, это так, болтовня, слух, опять у неё не вышло. До последнего надеялся. Нет, на этот раз всё у неё получилось.

И потом я виделся с ней как-то «по-автобусному» – вот причуда случайности. Той же осенью случилось секундное соседство в салоне, распираемом, как бочка, – я как раз собрался выходить, а Н. только зашла и оклика моего не услышала...

Только лет через пять удалось завязать разговор, вдруг мы опять оказались попутчиками и вместе вышли. Н. показалась мне очень весёлой тогда. Только что вырвалась из глухомани, где отработывала положенный по распределению срок. А я, давным-давно переболевший той детской болезнью (да всё той же незадачливой осенью, пять лет назад, недолго убивался, – ведь в том возрасте каждый новый день обещает ну прямо-таки радикальные перемены – в мире и в тебе самом), я, кому назавтра надо было жениться, – да-да! – вдруг загрустил, загрустил невесту с чего. Как будто вдруг почувствовал, что теряю что-то навеки...

А потом встречи наши модифицировались, хоть и остались по-своему автобусными: раза два, сидя в автобусе, я видел из окна, как Н. целеустремлённо вышагивает куда-то...

...И вот, теперь я встретил её здесь. Да, это была она, хотя и другая. Был миг, в этом чужом, рыхловато-мучном, будто слегка распухшем лице с неподвижно уставленными на меня, тяжеловато смаргивающими глазами проступили скраденные временем черты и совпали с образом, хранящемся в моей памяти. «Как ЭВМ, – подумал я, – разбивающая картинку на квадратики для сопоставления с образцом.» В своё время прочёл уйму научно-популярных книг, по разным отраслям знания, из серии ««Эврика» в том числе. Вот сейчас это и пригодилось...

Какой-то проблеск мелькнул по её лицу.

– Здравствуй, – вымолвил я. И добавил: – Н...

«Здравствуй», – спокойно отвечала она. И так же спокойно смотрела на меня и как будто сквозь меня. А потом отвела глаза в сторону. Она всегда чудная была, Н., вспомнил я.

Снял шубу (была у меня —чёрного искусственного меха, полпуда весом, на ватине), свалил на диван, глянул по сторонам. Смешное мелькнуло предчувствие: а вдруг ещё кого-нибудь увижу, знакомого? Но здесь особенно-то и не на кого было глядеть. Народу мало, не как в обычной поликлинике. Кроме Н. и двух, вернее, уже трёх моих однополчан (прибывали), две старушки сидели в другом углу, напротив выхода с лестницы, и ворчали, что сестра ушла куда-то и всё не идёт. Нет, знакомых больше не оказалось – только Н. А она не смотрела на меня, сидела всё так же не шелохнувшись, как под невидимым грузом, и никуда как будто не спешила, не выказывала никаких признаков нетерпения, не то, что я. Что она здесь делает, в диспансере? А что делаю я?

– Ну, как ты живёшь? – бодро спросил я.

– Ничего живу, – медленно отозвалась она. И вдруг улыбнулась, точь-в-точь как улыбалась прежде, двенадцать, семь лет назад. Ох уж эта Н.! – Садись, – прибавила она отрывисто, тоже как прежде. Немного подумав, придвинула к себе пальто, лежавшее на диване. Я отгрёб шубу в другую сторону и сел – с таким чувством, словно горы свернул. Но оказалось, опять решительно ничего ещё не произошло.

Теперь мы сидели вроде бы совсем рядом, но от этого не сделалось легче говорить. Н. уставилась в какую-то точку перед собой, а я с конфузливими улыбочками начал вертеть

в руках документы – медкарту и военный билет. Вдруг догадался: хочу ими заинтриговать. Кого? Н.! Это её-то! Да ведь я через неё только и понял, что женщины вовсе не падки на разную романтическую чепуху. Живые женщины, в отличие от романных.

Тогда я сам начал присматриваться к ней. И разглядел розовато-мучнистые прыщики у неё на щеке. А диагноз уж не замедлил сказаться. Она не живёт с мужчиной, просёк я.

Благодари бывалых ребят, просветили давным-давно... Хотя, что я? Лет до четырнадцати я вообще не слишком-то верил в премудрость их, наветом на род человеческий считал, – пока не нашёл подтверждение в каком-то учебнике для фельдшеров.

Я переложил бумаги из руки в руку – а то от пота медкарта уже волнами пошла, и с кривой ухмылкой прохрюкал: «Вот, послали провериться, не псих ли я...»

Н. и ухом не повела. А я кинулся поправлять наделанное: «Могут послать месяца на два, а не хотелось бы...» – и выжидательно покосился на неё. Нет, ничего она не поняла. Армия, переподготовка – откуда ей знать эту муру.

Я перевёл дух и спросил Н., где она работает. Тоже ещё хорошенький вопрос. Бывает, встретишься с кем-нибудь: «Привет, где работаешь?» – «Там-то». – «А-а. Бывай». Да только надо было что-нибудь говорить. Тем более в самом деле, где она работает? – я не знал.

В такой-то школе, отвечала Н. И я уж не стал уточнять, кем. Ясно, детишек пению учит.

«Я уколы сюда хожу делать», – совсем-совсем неожиданно пояснила она. Я скорчил гримаску. Мне-то что. Ходит и ходит. Удобнее здесь. Школа-то её, кажется, под боком... Она ничего не соображала в военной подготовке, а я столько же в здравоохранении понимал. Знал только, что несовершенно, – и то ещё не по собственной шкуре, а из газет.

И снова мы молчали. Это был очень странный разговор.

– У меня отец умер, – вдруг заметила она. Вроде как ещё раздумывала, говорить или нет. Улыбнулась несмело.

– Я знаю, – перебил я. Я в самом деле знал – читал соболезнование в газете.

– У меня отец умер, – повторила она. И добавила: – А я попала в психиатрическую лечебницу.

Я шевельнул губами – хотел что-то сказать. Этого я не знал. И не сказал ничего. Просто смотрел на неё сощурился, как если бы против глаз открылся сквознячок. Странные мысли рождались на нём: этого следовало ожидать, этого следовало ожидать, этого следовало ожидать... Ты была не такая, как все... обособленная... замкнутая... себе на уме... не такая, как все... не такая, как все...

Я ждал тебя на вечеринке, приуроченной к 8-му марта... мы собиравась классом... я так ждал этого, этого вечера... Меня не было 23-го февраля, я торчал на заседании городского комсомольского штаба... офигеннейший комсомолец, Павка Корчагин наших дней... выбрали быть представителем от школы, отдувался за всех... Так вот, столько разговоров было после 23-го февраля... Так весело, так здорово... А я не попал... И ждал теперь 8-го марта. Наверстать своё. И гвоздь программы: по окончании проводить тебя домой. Ты жила на отшибе, и значит, обойдёмся без всяких дурацких попутчиков. А ты взяла да и просто не пришла... Именно потому, что в предыдущий хваленый раз одна возвращалась домой через столетнюю берёзовую рощу. Там ещё не было фонарей... Так-то вот... И уж потом я изобрёл автобусно-концертный подход...

...Да нет, зачем я так думаю о ней? Ведь не думал же после того соболезнования в газете. Совсем даже наоборот. Ну погорюет, погорюет, а потом будет, как все люди, жить. Отца её я в общем-то не знал. Он был каким-то начальником, небольшим. Однажды провёл наш класс экскурсией по цехам своего завода. А ещё я видел его на квартире, это уже во время визита с «испанскими» билетами. Кажется, это был приветливый и весёлый человек. Один наш одноклассник, правда, называл его «косоглазым мужиком» (как раз после той экскурсии) – но сам-то был хроническим насмешником, хорошенькой язвой. А я не присматривался. А может, нуж-

ной наблюдательностью не обладал. Главное, отец Н., он уже был взрослый. А мне – 16 лет. Помнится, в ходе тех знаменитых сборов на концерт он даже посетовал: «Вот, мол-де, носки не желает надевать, будто и в самом деле уже тепло, – начало июня...» Это он про дочку свою говорил. Конечно, я замялся с суждением по данному вопросу. За кого он меня принимает? Между прочим, это он тогда назвал меня «друг», обронил где-то в отеческом напутствии: «твой друг...» Я не запомнил, когда он умер. Год или два назад, или три? Кажется, весной... А может, осенью.

– Живёшь ты всё там же? – догадался спросить я. Смотрел и не мог понять, как она может так держаться, всё в одной позе, не двигаясь ни на миллиметр, плечи упали, туловище слегка вперёд, – совсем не идёт женщине её возраста. «А у неё возраст уже другой, – вдруг подумал я. – Старые люди... они тоже когда-то были молодыми. А потом перестали стесняться своих болячек. Приняли свой недуг за объективное свойство мира... Вот и она...»

Принять свой недуг за объективное свойство мира... – недурно сказано. Как у Гессе. До Гессе я совсем недавно добрался. Как пронзительно он написал о своём младшем брате, – подумал я.

– Да, – отвечала Н. на мой вопрос.

Адрес её я выведал задолго до всех визитов и без особого труда: в конце классного журнала имелся список, глянул туда и запомнил. Память у меня выборочно-хорошая. А вот сейчас я б не смог назвать – какой там номер дома, квартиры. Помнил, что квартира трехкомнатная, а серия считалась престижной. Вдобавок, тогда это был совсем новый дом. Мог ли я вообразить, что в этом доме, в этой квартире можно взять да и сойти потихоньку с ума... Уж так подумалось: потихоньку, – ведь Н. я знал сдержанной и даже скрытной. Себе на уме...

Подошла её очередь идти к врачу. Она поднялась, направилась в кабинет. Как-то раз я подсмотрел, как после урока физкультуры – баскетбол был или что-то в этом роде, потное, горячащее – Н. взбежала коротенькой лестничкой из спортзала в коридор. На ней была бледная, белая или голубенькая, футболка и чёрные спортивные штаны. Штаны запомнились точно. Ткань врезалась до самого дна меж полушарий, колыхающихся на бегу... У Н. были широкие женственные бёдра, стройная и крепкая фигура. И вот сейчас я снова глядел ей вслед. Тело её раздалось, хоть и не потеряло пропорций... мягкая кофейно-молочная материя юбки растянута им и как будто ещё может тянуться, сколько хочешь, и уже не передаёт во всей глубине впадину под ней, а лишь намечает её рыхлой бесформенной складкой... Налитая широкая спина чуть сгорблена, круглые полные плечи опущены вниз, вперёд... Н. огрузнела. Она шагала быстро, но тяжело, и даже показалось, что половицы особенно подаются под её толстоватыми ногами в кофейных же сапогах, хотя, скорее всего, здесь был такой старый уже пол.

Она не долго пробыла у врача. Забрала с дивана пальто, сказала мне «всего доброго», пояснила деловито, что ей теперь «в другой конец» и переместилась в противоположный угол, вместе с бабушками дожидаться запропастившуюся сестру.

Потом пришёл и мой черёд, и моё освидетельствование тоже не затянулось. Врач сидел, склонившись над столом, поздоровался, предложил сесть, но даже не поднял глаз на меня. Быстрым, натренированным движением взял мои бумаги; вежливо, чуть меланхолично опросил: есть ли душевнобольные родственники, случались ли ушибы головы с потерей сознания? Я отвечал отрицательно, а сам присматривался к нему. Он носил крупные очки, был лыс. Широкая, горбатая блестящая лысина была обращена как раз ко мне. Кажется, это с ним мы в одно время ходили в школу общественных корреспондентов при редакции горкомовской газеты. Хотя, я засомневался: может, он, а может, и не он, а просто похож на того человека. Тот, кстати, упоминал, что он психиатр, да! Запомнилось, как он запальчиво для своего возраста (впрочем, было ему лет сорок-сорок пять) рассуждал о задачах своего поколения. А однажды горячо озаботился судьбой мальчика из трудной семьи. И ещё, как-то раз он ругал одного своего коллегу-сослуживца. Мол, только место занимает.

Короче, я не рискнул его спросить. А он так ни разу и не взглянул на меня, уткнулся в сою бухгалтерию – вон какие залежи на столе. А хоть бы и однокашники, что с того? Не друзья, не приятели. Запомнил ли хоть он меня там, на курсах? Ну и потом, кинулся бы объятиями душить, что ли? Может, совсем даже наоборот. Вдруг ему неловко сделалось бы! Мало ли куда он ходил, мало ли что говорил! Сейчас-то он был *при исполнении*.. И он поставил в моей карточке «годен».

Очутившись опять в коридоре (или холле, как его там), я застал Н. во всё той же позиции на диване со старушками и без свежих вестей о злокозненной сестре. «Счастливо», – бросил я на ходу и ещё зачем-то кивнул, – а Н. промолчала, как воды в рот набрав. Может быть, потому что уже попрощалась со мной – ведь в самом деле, пожелала мне всего доброго! Всё равно я отчего-то смутился, но тут как раз вступил на лестницу, а та и впрямь скрипела, да так противно, что я даже ухватился за перила: испугался, что ли, как бы эта деревяшка не разъехалась подо мной.

Дымка всё так же затягивала небо, гололёд на асфальте никуда, конечно же, не девался, а теперь ещё поднялся ветер, вполне по-февральски. Гадкое сочетание. Я поспешил на остановку, так как не терял надежду выгадать пресловутое «окно». Но автобус пришлось ждать; переминаясь с ноги на ногу, я глазел на противоположную сторону дороги, на очередной двухэтажный особнячок. Вид у него был плачевный. Во всяком случае, крыши не было. Рабочий наверху сбрасывал оттуда снег лопатой. Немедленно мне явилась немудрёная ассоциация. Мол, крыша съехала... Конечно, я подумал о Н. О том, что вообще не вспоминал её последние годы. А ведь воображал когда-то, что она станет моей женой (такую роль я всем отводил, в кого ни влюблялся; не мыслил иного развития любви). Обычно я не распространялся перед родителями о таких делах, но как-то раз брякнул, что есть у меня будто бы девчонка, и она занимается музыкой. Отец начал посмеиваться, что жену-музыкантку очень невыгодно иметь: ей надо беречь пальцы и по дому ничего делать нельзя. Я отмахнулся; тогда это не представлялось существенным, я верил в одну только любовь. И вот, давно развеялась тогдашняя любовь, и прошли другие, я обзавёлся семьёй, кое-какими взглядами и повзрослел (если не постарел), – и какое мне дело до той поры? Я был влюблён в девчонку в своём классе, а потом злился чуть не до слёз, когда узнал, что она собирается от нас уйти? Я заранее понял, что у неё это получится. Прошло двенадцать лет, она сошла с ума, что можно поделывать? куда вернуться?

Наконец подошёл нужный автобус, и я отправился на нём – продолжать своё освидетельствование.

.....

Надо сказать, прошло оно вполне успешно и формально, – комиссия признала меня годным по всем статьям. А за компанию – могла бы и инвалида, с каким-нибудь внутренним увечьем. Я получил своё «окошко» – вот именно, в два часа, но мало что успел сделать: заскочил в магазин грампластинок, недалеко от райвоенкомата, купил целых три и всего на 25 копеек! Уценённые, сэкономил больше 7 рублей, здорово! Но на прослушивание времени не осталось, хорошо, пообедать успел.

В горвоенкомате, во всё том же кабинетике, всё тот же служака-капитан вполне сангвинически сообщил мне, что я еду на сборы, на два месяца и всего через два дня. Я вышел на улицу и из первой же будки телефонировал о том жене Ирине. Нам обоим было очень смешно. Отдышавшись, Ира начала прикидывать, что бы такое мне поручить, пока ещё под рукой?.. И придумала: вытрясти фильтр от пылесоса (которым мы, практически, не пользовались) и сдать бутылки из-под молока. На молоке я каждое утро варил овсянку, вычитав в «Литературке» в чьём-то письме, будто каша эта здорово нейтрализует и даже обращает вспять атеросклероз (а я на ней, между прочим, нехудо раздобрел). Я всегда был недоволен своей памятью.

.....

.....

Но в тот раз армия заполучила всё-таки моего дублёра (как у космонавта, не меньше) – солидного дядечку, склонного к облысению и полноте, прораба со стройки, кажется. Попадался потом на глаза, а тогда раньше времени услышал для себя отбой и, соответственно, поплатился. За меня же было замолвлено начальственное словечко, и я попал на сборы ровно через год, был к этому морально готов, не паниковал и даже остался доволен (без всякого скоростного чтения, которым так и не овладел, – кишка оказалась на это тонка, – прочитал в полковой библиотеке бешеную уйму книг).

С Надей же я ещё в том же 89-м году имел ещё два мгновенных свидания: в первый раз мы проехали пару остановок на одном автобусе, а в другой – встретились недалеко от остановки, то есть опять почти что «по-автобусному», и перекинулись парой фраз. Мне показалось, что она беременна. И всё. Больше я её не видел.

В 95-м году, примерно через шесть лет после нашей встречи в диспансере, Надя наложила на себя руки. Покончила с собой – в той самой квартире, в которой я когда-то бывал, где она жила с матерью (всё-таки после неё, кажется, не осталось детей, не знаю, была ли она вообще замужем и что там мне показалось). Мать как раз куда-то отлучилась... Как водится, вызвали милицию... Приехавший для расследования офицер по случаю оказался нашим одноклассником. Он-то и вынул тело Нади из петли.

Февраль 1989 года, май 1997 года

Возвращение...

Рассказ

Каждую осень, в сентябре, у Курикина возникало ощущение, что начинается какая-то новая жизнь. Это был пережиток ещё школьных, конечно, времён, нет, не институтских – там-то всё начиналось, пожалуй, в октябре, хотя... Хотя и тогдашние возобновления не стоило сбрасывать со счетов. Осень это такая штука: октябрь может смахивать на сентябрь, а сентябрь – на октябрь, сплошные перевёртыши. Трудно сказать. Да и очень уж капризной сделалась у Валентина память. Иной раз вытаскивала на обозрение такие времена, уж никак заранее не предскажешь. Вдруг вспоминалось, как летом, после пятого, что ли, класса читал он Роберта Шекли – приятель дал – ну очень непривычная книжка, не похожа на то, что раньше попало из фантастики. Вроде бы и не скажешь, что суперзахватывающая какая-нибудь, а вот именно: необычная. Ощущение, что если и не с иных миров пришла, так чуть ли не из самой Америки. Шекли ведь американец! Написано, конечно, русскими буквами, русскими словами, но как будто на английском языке. Это, наверно, из-за оформления – абстракционистского, сухого, ненашего, словом... Запомнилась. Чтобы спустя годы Курикину, уже тридцатичетырёхлетнему Курикину, казалось, что времена возвращаются, те же звёзды сияют вновь, манят иные миры... Опять же и Ницше что-то такое там писал, тоже вспоминалось, уж из совсем другой эпохи, а всё равно созвучно: вечное возвращение... Вот какие минуты у Курикина бывали, никому, конечно, не проговаривался, накатывало вне плана, без разбора времен года... А уж осенью-то стабильно, осенью-то всегда донимало то самое ощущение начала... Не сказать, что сильное очень, что обязывало к чему-нибудь. Ну, вдруг хотелось снова послушать записи «Битлз», самые старые, самые первые их песни: все эти «Misery», «There's a place», «Anna», «Baby it's you»¹; хотелось посмотреть какой-нибудь ковбойско-индейский фильм, типа «Золота Маккены» или «Шалако», на худой конец; перечитать рассказ Хемингуэя или Сэлинджера. Потому что именно осенью, в сентябре, всё это приходило к Курикину в первый раз, после каникул, после немного опостылевших каникул, когда класс собирается вновь, со свежим вниманием и интересом друг к другу, и кто-нибудь приносит плёнку с записями, или книжку, или просто сманивал всех в кино. Да... А теперь через столько лет возникал рецидив, Валентин даже читал про это что-то такое объясняющее: доминанта. Природа вступала в очередную свою пору и вдруг оживляла давно ушедшее с этой порой связанное, возвращала прежние, так сказать, установки, задавала тогдашнее настроение. Только дальше настроения-то дело и не шло.

---

¹ «Беда», «Есть место», «Анна», " Из-за тебя, детка» (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.